ТОЛСТЫЙ

ДЕНЬГИ

ПОЛНАЯ ДЕНОМИНАЦИЯ

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

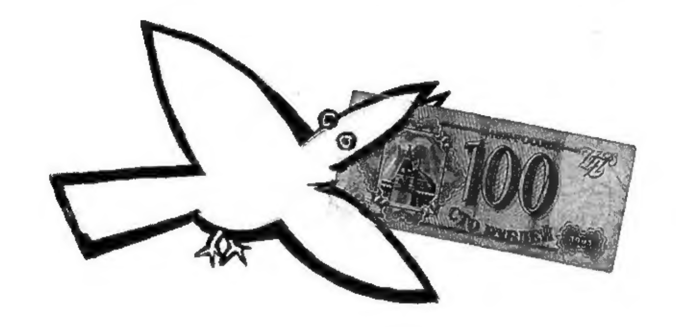

*Санкт-Петербург.
Петропавловская крепость. Декабрь. 1997.
Толстый в ботинках из магазина «Андрэ»
сидит на памятнике
Петру I
работы скульптора
М. Шемякина.*

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

ТОЛСТЫЙ

ДЕНЬГИ
ПОЛНАЯ ДЕНОМИНАЦИЯ

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ
декабрь 1997года

Выставка организована
при содействии

еженедельника «Аргументы и Факты»

фирмы «IPRIS. Международные
полиграфические системы»

Творческого центра «Борей-арт»

На 1-й стр. обложки использована картина
В. Шинкарева «Толстый исполняет
«Девушку из Нагасаки» в Доме-музее
Достоевского». Х/М. 1997 год.
На 4-й стр. обложки - плакат выставки
«Деньги. Полная деноминация».
Авторы: Г. Лапушкин,
Ю. Молодковец, Толстый

Идея (Париж – Ипорт – СПб):
Владимир Котляров (Толстый)

Координатор издания:
Елена Звягинцева

Куратор выставок:
Юрий Молодковец

Авторы:
Марина Колдобская
Василий Кондратьев
Алексей Курбановский
Александр Погребняк
Александр Секацкий
Толстый
Владимир Шинкарев
Наталья Шкуренок

Макет (формат, стиль «Мулеты»):
Юрий Химиляйнен

Обложка, логотип «Птица»:
Владимир Шинкарев

Компьютерное обеспечение:
Елена Звягинцева
Наталия Кирилова

Главный редактор:
Александр Погребняк

Редактор:
Лариса Немчинова

Составители раздела «Каталог»:
Наталия Кирилова
Алексей Курбановский

Фото:
Дмитрий Кощеев
Юрий Молодковец

Специальное спасибо:
за помощь в организации
выставки *«Деньги»* -
Наталии Кириловой
выставки *«С Новым годом!»* -
Вадиму Флиссаку

ISBN 5–7187–0261–6

кат. 1

кат. 2

кат. 3

Александр Секацкий *

КУПЮРА КАК ШЕДЕВР

Расхожая мудрость утверждает, что не все можно купить за деньги. С этим, конечно, не поспоришь. И все же, перечисление благ, обмениваемых на деньги, почти бесконечно, никому еще не удалось составить их полный список. Купюры указывают на разнородную сумму удовольствий, на самое необходимое и на лишнее, хотя бы в форме надежды. Впрочем, без этой надежды, кажется, нет смысла цепляться за необходимое. Через банкноту, как через сказочное зеркальце, просвечивают и пляж в Гонолулу, и накрытая скатерть-самобранка, и автомобиль, и кресло в парламенте.

Труднее всего уловить момент, когда деньги указывают на самих себя. По-видимому, здесь возможны лишь два случая: тихая радость современного Скупого Рыцаря, поглаживающего пачку ассигнаций и наслаждающегося ее толщиной, и случай Толстого, прямо противоположный по замыслу. Купюра, превращенная в площадку для изображения, утрачивает свою прозрачность, свою принципиальную невидимость. Знак, отсылающий куда-то вдаль, как бы застигнут на месте преступления, разоблачен и вынужден показать свое лицо. Производимый при этом эффект достоин пристального внимания: примененный Толстым прием действительно оказывается последней, окончательной деноминацией. Как если

---

*А. Секацкий - канд. филос. наук. СПбГУ.

бы буквы, собранные в текст, вдруг потеряли многозначительность инобытия и стали простыми графическими символами. Все дело, однако, в том, что деньги лишь подражают буквам, имея другую природу означивания; и когда художник выводит их на чистую воду, выясняется, что мы смотрелись не в волшебное зеркальце, а в кривое зеркало миража.

Есть смысл остановиться на этом подробнее. Круговорот вещей в нашем мире имеет определенную скорость - притом минимальную скорость, которую можно назвать *первой экономической,* удается обрести лишь тогда, когда в качестве топлива начинают использоваться деньги. Именно с этого момента циркуляция вещей (их изготовление, использование, раздаривание) становится собственно экономикой. Применение универсального топлива ускоряет все процессы, не только хозяйственные и социальные, но даже и психологические: мы живем в условиях нарастающей скорости всего, происходящего с нами и вокруг нас. Такая ситуация, по-видимому неизбежная, влечет за собой ряд печальных обстоятельств.

Во-первых, деньги, оказавшись идеальным топливом для процессов производства материальных благ, обнаружили свою несовместимость с другим великим круговоротом, поддерживающим своды ноосферы. Произведения искусства, плоды творчества художника, выглядят заведомо искаженными в зеркале всеобщего денежного эквивалента. Если искусство и обретает, наконец, признание в виде определенной суммы денежных знаков, сам художник, как правило, не успевает их получить. Когда произведение становится самовозрастающей стоимостью, оно обогащает владельца, а не создателя - пожалуй, современная экономика не знает более яркого примера грабительской экспроприации, и протест Толстого попадает здесь в самую точку. Но даже если предположить, что усилия художника оплачиваются сполна, деньги в данном случае все равно оказываются никудышным мерилом. Настоящий художник, сколько бы ему ни заплатили за работу, просто не сможет сделать хуже своей собственной мерки творческого достоинства. Он может, конечно, потерпеть поражение, но ни шедевры, ни провалы творца никак не определяются гонораром.

Во-вторых, денежный вихрь, срывающий со своих мест все устойчивое, включая основные человеческие устои, порождает эффект зачарованности. Подобно тому, как дервиш, кружась в танце, приходит в исступление, так и современное преуспевающее общество пребывает в непрерывном головокружении. Все мы, унесенные денежным ветром, оказались в потерянности, даже не догадываясь об этом. «Окончательная деноминация» - это попытка приостановить всемирный

неслышный шелест купюр: предлагается метод пристального всматривания, пригодный для того, чтобы стряхнуть наваждение.

«Да вы просто старая колода карт», - говорит Толстый, разрушая чары наскучившей сказки методом Алисы. Но дальше вступают в действие чары искусства. Заключенные в рамку и снабженные новым содержанием купюры не перестают иметь хождение. Как переносчики художественной воли они приобретают теперь истинную долговечность и обращаются к нам с приветствиями, предостережениями и назиданиями, даже если давно выведены из обращения. Когда деньги останутся лишь в виде пометок в компьютерах, только банкноты, избранные художником, сохранят свое бытие.

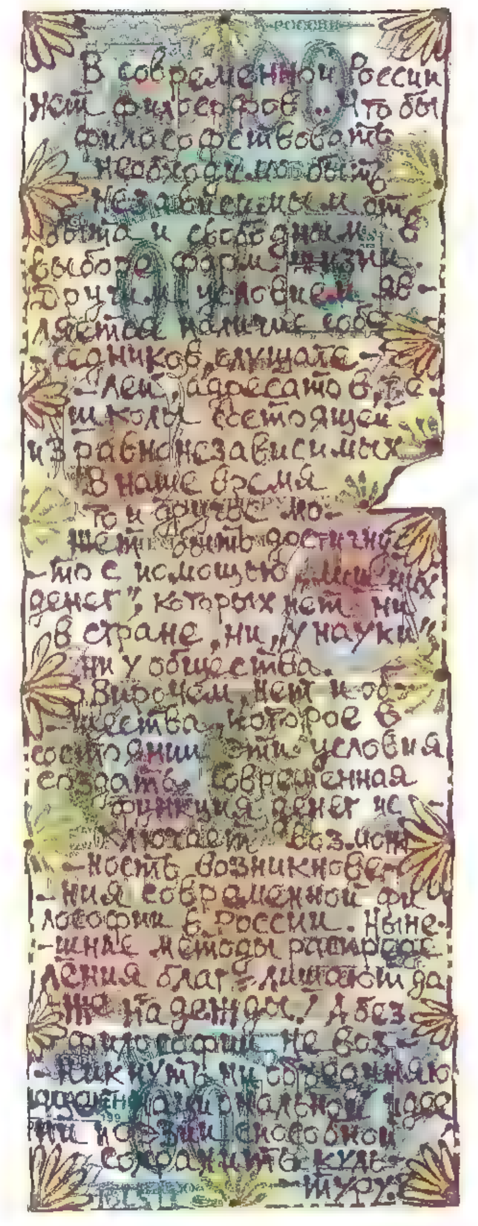
Фото: творческий центр «Борей-арт»
А. Секацкий, Толстый

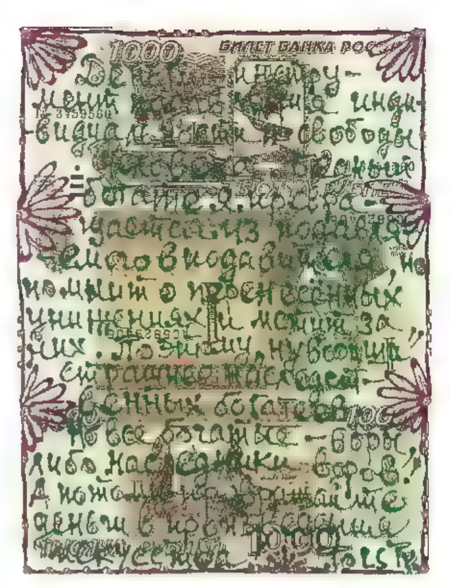
Фото: Редакция еженедельника «Аргументы и Факты – Санкт-Петербург».
Открытие выставки «Деньги».
Вице-губернатор С.- Петербурга Г. Греф, Толстый, Главный редактор Л. Иванова

Фото: Редакция «АиФ». Круглый стол. А. Секацкий, В. Шинкарев, Т. Шоломова, А. Фоменко, М. Колдобская, В. Кондратьев, А. Курбановский, Толстый, Л. Иванова.

кат. 4

кат. 5

кат. 6

Алексей Курбановский *

ДЕНЬГИ ТОЛСТОГО КАК ВСЕОБЩИЙ ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ

В древнерусских церквах и монастырях, когда заказывались фресковые росписи или иконостасы, то при записях об оплате работы живописцев монахи выражались примерно так: «Самая роспись, или икона, суть неизреченное чудо Господне - ведь никто иной, как Всевышний движет десницею мастера, - и посему она бесценна. Художника же надлежит кормить и поить, а также, в возмещение затрат на материалы, причитается выплатить ему столько-то». То есть, дар Божий, реализованный при посредничестве иконописца, неизмеримо превосходил самую возможность адекватной оплаты, или отдачи (потлач!): за него полагалось непрестанно и бессрочно возносить благодарственные моления (отсюда выражение «намоленная икона»). Деньги же заранее полагались неравноценными чуду и выводились за рамки отношений с Трансценденцией. Стол и кров, предоставляемые монастырем-заказчиком исполнителю, служили для компенсации и восстановления физических сил автора: его мускульной энергии, слез, пота, крови и т.д. Ну а деньги существовали в сфере материальных объектов - наряду с досками, мелом и клеем, пигментами и олифой, - приобретение и расходование каковых они отражали.

Поскольку Бог признавался единственным Источником искусства, древний художник мог творить только в жестких рамках канона:

---

* А. Курбановский - канд. искусствовед. наук. ГРМ.

изначально, раз и навсегда установленного образца, серьезное отступление от коего не допускалось. Такое положение парадоксальным образом напоминает нынешнюю постмодернистскую ситуацию, когда творческий человек оказывается поставлен не перед действительностью, которую он должен эстетически освоить и отразить в своем художестве, но перед скоплением канонов, шаблонов, артефактов - огромным культурным массивом, структурированным и институциализированным в виде устойчивого порядка: музея, социума. То есть современный автор ощущает, что в искусстве все уже сделано прежде него; интертекстуальный анализ раскрывает, как любое произведение оказывается сотканным из влияний, заимствований, прямых и завуалированных цитат (как в литературе, так, к примеру, и в живописи). Подобно средневековому иконописцу, нынешний творец принужден выражать себя исключительно через отношение к тому, что было создано перед ним. Правда, теперь такое отношение может быть и непочтительным, и ироничным.

С другой стороны, современные креативные стратегии выносят на арт-сцену много профанного материала (Total Art, инсталляции, перформансы и др.); существует даже опасность «засорения» мира - художественно валоризированным мусором. Самая действительность сейчас предстает только как нечто «трансэстетическое» , то есть то, что уже непременно где-то воспроизведено. Реклама, электронные СМИ, телесериалы и т.д. «накрывают» действительность, и та прогрессирующе развеществляется. Можно сказать, что ныне у каждого профанного явления, как и у памятника искусства, есть единственная объектная, нередуцируемая сущность - это его денежный эквивалент.

Однако и деньги также прогрессивно развеществляются, чему служат кредитные карточки, безналичный расчет, межбанковские трансакции, осуществляемые с помощью компьютеров. В международном масштабе для перевода какой-то суммы, скажем, из Нью-Йорка в Гонконг, или из Лондона в Кейптаун, используется спутниковая связь. Жан Бодрийар как-то остроумно заметил, что деньги нынче выведены в космос, где им, собственно, и место: доллар восходит и заходит, как искусственное солнце. Спекуляции с ценными бумагами, падение биржевого курса делают деньги ненадежными, текучими, непостоянными. Тут-то мы и подходим к сущности эстетической операции Владимира Котлярова-Толстого: когда он разрисовывает/расписывает различные национальные купюры, покрывает их затейливой вязью своих лукавых афоризмов или рифмованных строчек, он вновь делает деньги материальным объектом, возвращает их из космоса - на землю, из виртуального - в реальное; однако это реальность другого рода. Отныне мы имеем дело с гиперреальностью артефакта: эстетизированным (то есть симулированным) бытием.

Исторически в культуре и в общественном сознании деньги постоянно ассоциировались с чем-то низменным (вспомним, при каких обстоятельствах принято говорить, что они якобы «не пахнут»), или же опасным: «бешеные деньги», «желтый дьявол», «цена крови» (blood money) и т.д. В первом своем качестве они использовались в эпатажной эстетике Дада (Курт Швиттерс); Жорж Батай полагал, что деньги, субститут потлача, аккумулируют разрушение и смерть. Толстый бодро принимает вызов деструктивности. Притом в своих «деньгах» он использует в качестве валоризирующего фактора письмо, о чьей коварной природе также предупреждали многие, от Платона до Жака Деррида: «желание письма выявляется, определяется и обличается как желание сиротства и отцеубийственного ниспровержения» (La Dissimination, 1972). Однако минус на минус дает в итоге плюс: артистически «ниспровергая» патриархальный институт государства, Толстый как бы приватизирует, одомашнивает деньги; роскошно, по-батаевски, тратя, он утверждает свою суверенность.

«Художественные деньги» Толстого обладают ауратичностью, которую им придает его неповторимая персона. В них «вписан» человеческий опыт Владимира Котлярова - его житейская мудрость, эстетический вкус, порою рискованный юмор. Постмодернистски-космополитичные, все эти рубли, доллары, франки, злотые наделены вивристической избыточностью: здесь и прихотливый почерк, и всевозможные завитушки, цветочки, виньетки; они одновременно вызывающе провокативны, как заборные граффити, и интимны, подобно татуировке. Будучи подлинным артистом, Толстый инвестирует всего себя в собственные произведения, расплачивается с миром своим телом и сознанием, личным временем и витальной энергией. Язык художника суть всегда язык жертвы, как проницательно указывал все тот же Батай.

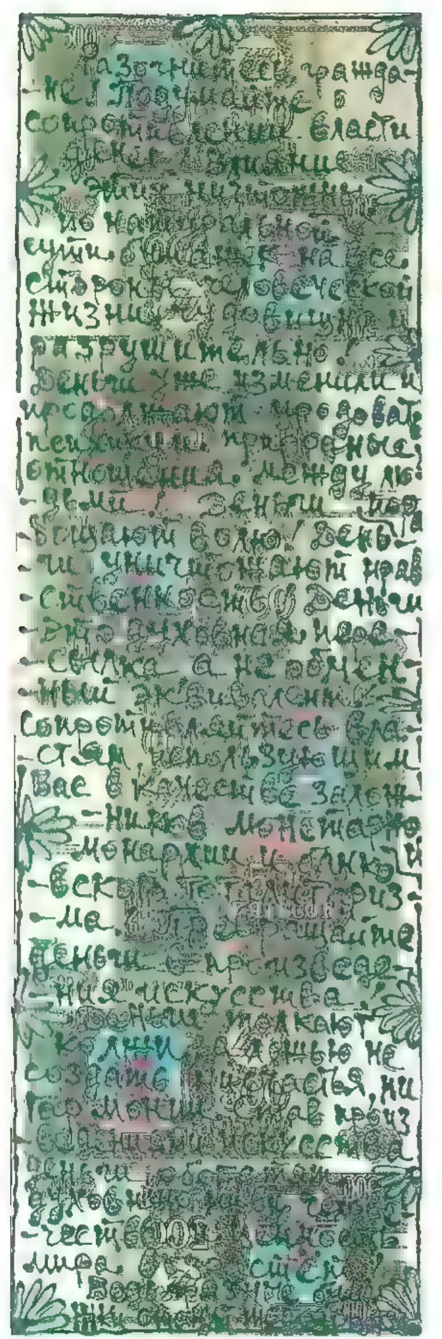
Симуляционная гиперреальность «денежного артефакта» Толстого - и его же жертвенная интимность, на самом деле, отнюдь не противоречат друг другу: их кажущуюся оппозицию легко деконструировать. С одной стороны, действительность уже потому суть симуляция, что и художнику, и зрителю она дается через личное, сугубо персональное переживание. Мы читаем витиеватые русские «послания» на банкнотах Толстого и соотносим их с отечественной ситуацией конца 90-х годов XX века (кому пришло бы в голову 10 лет назад разрисовывать 500-рублевую купюру? А как подобный фокус будет восприниматься через 10 лет?). С другой стороны, постмодерный субъект никогда полностью не адекватен самому себе: он есть условный социальный, культурный и лингвистический конструкт, симуляционный по своей имманентной природе: ведь не существует ни какой-либо вневременной, абсолютной реальности, в коей тот смог бы укорениться,

ни предвечной шкалы непреходящих ценностей, с которой его можно было бы сопоставить. В этом смысле «арт-деньги» Толстого могут быть равнозначны, например, «Свободе на баррикадах» (1830) Эжена Делакруа - тем более, что данная картина репродуцируется на французском 50-франковом билете.

В современном тотально симулированном, гиперреальном мире деньги исчезают как форма стоимости и являются только «видимостью», считает Бодрийар. Деньги есть пустые, холодные, прозрачные знаки, способные к чистой циркуляции и даже к выворачиванию наизнанку; в этакой форме они становятся «голыми» - и совершенно неприличными (l'obscine). Ситуация с деньгами напоминает ехидному французу положение дел в (пост)современном искусстве: лишенное как внутреннего содержания, так и всамделишного референта, последнее может только «свободно плавать» - и обменивается лишь само на себя.

Вот в подобной обстановке «деньги» Толстого и можно признать всеобщим эстетическим эквивалентом. Имиджевая транснациональная валюта, сокровища реализованной персональной утопии, они лишают нас докучной необходимости выбирать между прекрасным и безобразным, фигуративным и абстрактным, репрезентацией и непрезентуемым. Они ничего не утаивают, но ничего и не открывают; возводя понятие ценности в следующую степень, авторские купюры-монограммы способствуют ритуальной прозрачности арт-рынка. Обращаясь, как средство коммуникации, среди «работающих подобий» идеалов, фантазмов, образов и мечтаний, снова и снова воспроизводимых нами в состоянии какого-то бредового, неизбывного безразличия, «арт-банкноты» Толстого будут способны функционировать еще долго после того, как исчезнет и содержание искусства, и смысл кредитно-финансовой системы. Ведь в отличие от настоящих денег, они не обременены никакими последствиями.

В прежние времена деньги как физический объект имели и материальную ценность: стоимость того драгоценного металла, из коего отливались (вспомним «медные бунты», потрясшие Московию при царе Алексее Михайловиче). «Деньги» Толстого, трансгрессивные по своей сути, соединяют злободневную актуальность изысканной провокации с исторически детерминированной валоризацией артефакта. Согласно постмодернистской формуле, подобное экстремистское произведение легитимируется состоянием «конца истории» и само создает те правила, по которым его надлежит судить и оценивать. В конце концов, Толстый, подобно древнерусскому иконописцу, всегда может заявить, что никто иной, как Бог даровал ему идею нетрадиционного использования денег - и непосредственно двигал рисующе-пишущей десницей.

кат. 7

кат. 8

кат. 9

кат. 10

кат. 11

Марина Колдобская *

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ГЕРОЯ

Деньгоборческий жест Толстого, явленный нам в проекте «Полная деноминация», кажется идеально вписанным как в советскую диссидентскую, так и в старую интеллигентскую традицию. «В России праведных денег не бывает», - это заметила еще Цветаева. А раз деньги заведомо «неправедны», то их надо как-то «опускать» (или «поднимать», это уж как угодно).

Время от времени подобные желания возникают у лиц различных специальностей и жизненного опыта: гусары растапливали ассигнациями печку, парижские банкиры демонстративно спускали их «камелиям», русские купчики прикуривали от них сигары - дело вкуса, в конце концов. Можно написать на деньгах что-нибудь грязно-ругательное, или, наоборот, возвышенно-лирическое, или то и другое вместе - неважно. Важно лишить их смысла и стоимости, вывести из товарного оборота.

Разрисовывая купюры нежными девичьими каракулями, Толстый пытается поэтическим заклинанием разрушить магию власти, сообщенную жалкому клочку бумаги заклинаниями государства. Он, как и полагается русскому художнику, выясняет, чей козырь старше. (Тут вспоминается жест покруче: случайный поклонник как-то записал мой номер телефона в собственном, тогда еще советском, паспорте). Попытка состязаться с властью наивна и нахальна, но в случае с деньгами Толстый, пожалуй, прав: государства нынче приходят и уходят, как белые снеги, дензнаки - еще того чаще, а

* М. Колдобская - искусствовед.

разрисованная купюра навсегда останется если не музейной ценностью, то, по крайней мере, этнографическим курьезом.

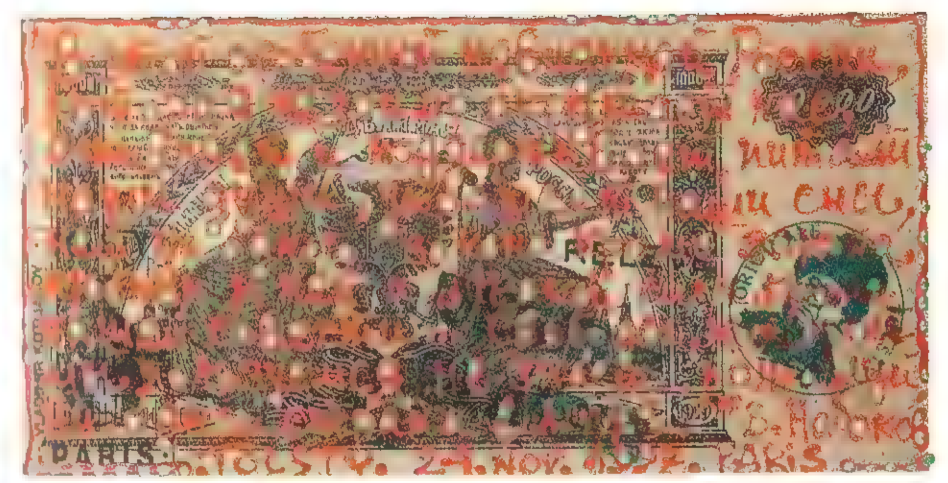
Нетрудно, впрочем, заметить, что в деньгоборческом порыве художник повторяет жест деньгосозидателя: маркирует своими знаками предмет общепринятой ценности. В незапамятные времена какой-нибудь царек точно так же наносил свое клеймо на кусок серебра - и получалась монета. Ее объявленная стоимость в принципе могла быть выше или ниже ее весовой цены (на практике почему-то всегда выше, и гораздо). Этому верили, пока акции данного царька стояли высоко. Вот и Толстый объявляет, что его произведения гораздо дороже, чем использованные им купюры. Поверим. Оснований верить государству никак не больше.

Затея, совершенно законная с точки зрения местной традиции, вызывает некоторые сомнения в смысле ее актуальности. Хорошо бороться с деньгами тому, у кого они есть. Героическим жестом отвергать предлагаемое конформистское благополучие. Но в нынешней России благополучия художнику никто не предлагает. И даже конформизма не требует - всем просто по фигу. А в условиях безденежья поругание дензнаков сильно смахивает на нытье известной лисицы про «зеленый виноград».

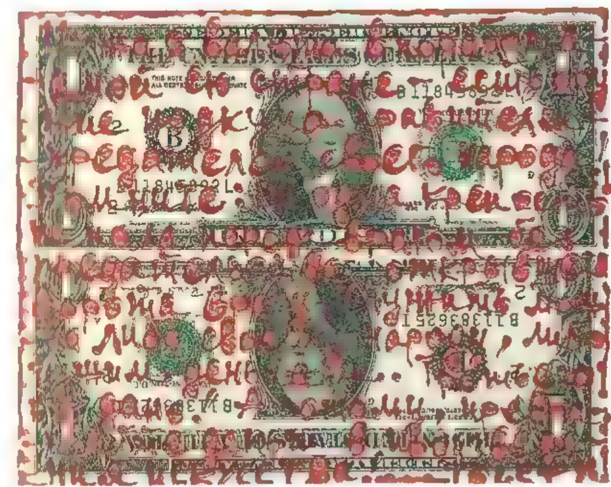
Иными словами - культурный герой возможен лишь в рамках мифа. Состоялся ли в российском искусстве миф денег? У меня лично нет ответа на этот вопрос.

Если бы дело было в Москве, я, пожалуй, сказала бы: «Да». Потому что лично знаю там некоторых (немногих) людей искусства, которым каждый день приходится решать, за какую сумму они согласятся сделать то или иное. Или даже так: за какую сумму они согласятся того или иного не делать. Но Толстый почему-то привез свой проект не в деньгоносную столицу, а в скудный Петербург. Почему - в ходе выставки этот вопрос так и остался непроясненным. Можно истолковать выбор места как стрельбу мимо цели. А можно - как сугубую чуткость художника, которому понимание, не омраченное шкурным интересом, важнее грубой актуальности.

«Нонконформист капитализма» должен, понятное дело, деньги по возможности красиво обосрать. «Нонконформист честной бедности» должен, наоборот, деньги любить, уважать и хотя бы иногда иметь. Однако роль «идейного борца за денежные знаки» в российской культуре давно описана исчерпывающим образом - это незабвенный сын турецко-подданного Остап Бендер. Способы, которыми он «при наличии отсутствия» рынка добывал дензнаки, в нашем мире искусств давным-давно приняты как законные и почтенные. Я воздержусь от называния фамилий, но примеры - от женитьбы на вдове Грицацуевой до «Союза меча и орала» - знакомы всем. Не говоря уж о заклинании «заграница нам поможет». Но ведь даже у несгибаемого Остапа случались порывы деньгоборческого раскаяния - помните посылку с миллионом, чуть было не отправленную наркому финансов?

кат. 12

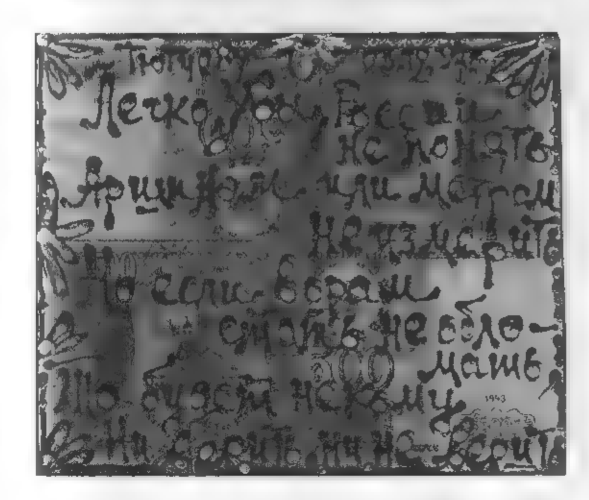

кат. 13

кат. 14

кат. 15

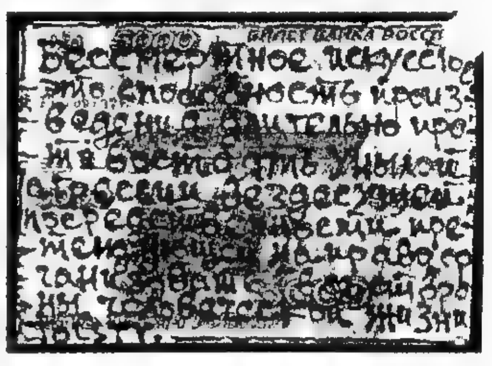

кат. 16

• ИСКУССТВО

Деньги. Полная деноминация

Идея редакционного "круглого стола" возникла незадолго до открытия выставки г-на Толстого, название которой вынесено в заголовок. В окружении разрисованных купюр собрались искусствоведы, социологи, художники, поэты, и говорили о деньгах.

Толстый, автор выставки: Наши деньги девальвировались окончательно — они теряют свою стоимость. Вернуть их ценность может искусство. Купюры, превращенные в картины, будут дорожать день ото дня. В этом смысл моих работ.

А. Секацкий, философ, СПбГУ: Когда деньги останутся лишь в виде электронных платежей, те купюры, которые искусство сумело взять в свой оборот, могут сохранить хождение: снабженные девизом, поучением, они будут ходить от человека к человеку.

Г. Грэф, вице-губернатор: Для уходящих в прошлое российских денег это самое правильное применение. Это пятая функция денег.

М. Иванов, философ, СПбГУ: Толстый и государство делают сейчас одно и то же. Они переставляют местами смысл и абсурд. Само понятие деноминации смешно. Деньги — это имя, которое деноминировать невозможно. Если переписывать — то переписывать мир.

М. Колдобская, искусствовед: Можно героически отказываться от денег, но героически бороться за них в русской жизни нельзя. Человек, который этим занимается, автоматически превращается в Остапа Бендера, борца за денежные знаки.

В. Кондратьев, поэт: Русские деньги всегда будут обесцененными. В стране, где люди имеют привычку швырять их в печку, оклеивать стены, они всегда будут такими, и никакой Чубайс их не спасет.

В. Шинкарев, писатель: Времяпрепровождение "нового митька" — лежать и пересчитывать доллары. Хотя он точно знает, сколько их у него, а все равно целыми днями считает.

А. Курбановский, искусствовед, Русский музей: Сейчас трансакции денег, например из Нью-Йорка в Гонконг, делают с помощью искусственного спутника — деньги циркулируют вокруг нашей планеты. Доллар всходит и заходит, как солнце. Денег как таковых нет, они в космосе, где им, собственно, и место.

Публикация в еженедельнике *«АиФ-Петербург» № 52(227)'97*

Василий Кондратьев *

ЗА ЗДОРОВЬЕ ТОЛСТОГО

Я был очень рад снова увидеть Толстого в Петербурге. Насколько я понимаю, он снова играет в кино роль какого-то сумасшедшего русского - и это значит, он снова заворачивает здесь вокруг себя жизнь.

Я не знаю, какой Толстый художник. Видимо, потому, что я его очень сильно и грустно люблю. Я его люблю как одного из тех людей, которые когда-то пришли в искусство жить, не испытывая сожалений. Мне очень грустно, что таких людей очень немного, что их все меньше.

С полгода тому назад Володя заезжал в Петербург, и когда мы большой компанией сидели за бутылкой в Борее, он налево и направо раздавал нам свои billets doux, которые как раз начал записывать на разнообразных серьезных и несерьезных купюрах. И это, в общем, сугубо правильно, поскольку все эти деньги имеют хождение, а значит их будут читать и смотреть. Я хочу сказать, что это пишет Толстый, уже создавший те самые издания, поэзия и публицистика которых до сих пор остаются непревзойденными. Мулета, Вечерний Звон. Человек, которого должны считать первопроходцем все теперешние русские радикалы от философии, от искусства и по жизни. К тому же, тот, кому всегда есть что сказать и показать перед

---

* В. Кондратьев - поэт, переводчик.

людьми самым коренным образом, будь это письмо, надпись на стене или запись рецепта. Все это, может быть, и не лавры. Повторять одни и те же самые священные слова, жить со вкусом и со знанием, давать жить другим и звать к жизни. Это вообще всякий может, так жить. Но только почему-то никто этого не делает.

Искусство - это легко; просто жизнь сложная. Вот что, должно быть, думается на всякой выставке, которую устраивает в Петербурге Толстый. Вряд ли люди могут любить просто деньги или искусство, или свободу, например, однако им тут нравится какой-то шорох того, что могло бы произойти с ними в любую минуту, если бы. Владимир Котляров, Толстый - это один из героев. Пожалуй, один из немногих единственных нормальных героев, которые у нас есть. Стоит за это вылить?

Фото: Творческий центр «Борей-арт». Открытие выставки «С Новым годом !» 25. 12. 97. А. Драгомощенко, В. Кондратьев, Толстый, Е. Звягинцева

кат. 17

В том, что безвинно
просидевшему 8 лет
в лагере Константину
Череднику удалось
выйти на свободу
не ожесточив сердце
и помимо инди-
видуальных каче-
ств, есть огром-
ная заслуга искус-
ства! Его икону
Владимирской Б.М.
благословил Патриа-
рх Руси Алексий II.

кат. 18

Фото: Круглый стол в редакции еженедельника «Аргументы и Факты».
А. Погребняк, Н. Иванов, А. Секацкий

Фото: Редакция еженедельника «Аргументы и Факты».
Толстый

Александр Погребняк *

ИСКУССТВО И ДЕНЬГИ ТОЛСТОГО

«Пока мы пишем на денежных знаках, нет смысла писать о любви», - поется в песне. Толстый (наст.имя Вл.Котляров) с охотой и радостью, и, хочется верить, любовью пишет как раз на деньгах - на различных по своему достоинству и происхождению купюрах. Более того, продукты его творчества признаются если и не всеми и не везде безоговорочно в качестве произведений искусства, то уж точно (неизбежное следствие принадлежности к «авангарду»!) - в своей претензии быть таковыми. А потому как бы не оказался поспешным также и в этом случае вывод о бесчеловечности современного искусства, как и современной культуры вообще. Тем паче, что настаивать на столь негативной оценке - излюбленный прием как раз тех, кто, полагая себя вправе выносить подобный приговор, никогда не признает при этом факта своего непосредственного соучастия в деле определения того исходного круга явлений, которым будет образован контекстуальный горизонт любого рода оценочных суждений. Что именно считать репрезентативом культуры и искусства современности, в конечном итоге, должно зависеть от свободной воли судящего. И тем не менее, обвинение всегда уже составлено, остается только внести имя. Итак-Толстый

пишет на **деньгах**. Сущность денег с экономической точки зрения вполне ясна: они являются своего рода знаковой системой,

---

* А. Погребняк - философ, экономист

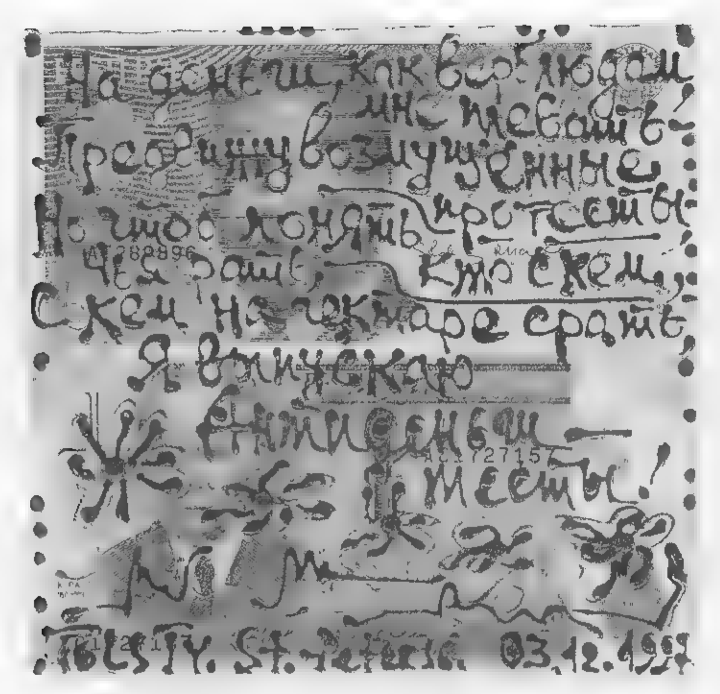
посредством которой цены - базовые ориентиры деловой активности - могут быть выражаемы, фиксируемы и соотносимы друг с другом. Однако в этой простоте заключается существенная проблема: поскольку цены суть то единственное, что имеет значение, деньгам как бы изначально отказано в субстанциальности (самостоятельности) их бытия. Деньги как таковые - служа «мерой стоимости», выполняя функцию «всеобщего эквивалента», т.е. будучи должными образовывать стихию абсолютной проницаемости, в которой реалии экономического мира только и обретают зримость - по определению лишены собственного лица. Но (парадокс?) как тогда быть с узнаваемостью, которой невозможно избежать, если только обладаешь историей, а ведь у денег, возразят, история как будто имеется. Да, но и она лишь номинально является «историей денег»: ее объектами могут выступать принципиально любые предметы, не только в разные эпохи и в разных местностях, но и в бесконечно разнообразных контекстах принимаемых *в качестве* денег. И единственно в той степени, в каковой эти предметы - что целиком зависит от конкретных особенностей признаваемого носителем знаков достоинства субстрата (например, золота) - обнаруживают свое несовершенство в роли платежного средства, деньги могут приковывать к себе взор. Но чем более безразличен будет материал, из которого изготавливается дензнак, чем более фиктивной будет стоимость «самих денег», тем ближе к состоянию совершенства окажется денежная система. - Горизонт своего рода окончательного свершения (Коммунизм? Апокалипсис?). Современность была эпохой бумажных денег. Купюра, хотя уже и чисто символически, но все еще способная оказаться на руках наличность, есть знак, или предвестие, полной дематериализации денег. Исторически выступая как означающее для крупных сумм, ныне она посредничает только в мелких сделках розничного товарооборота. Вот на этом уникальном моменте - моменте, когда реальный дензнак способен вычленить homo vivus'а (опознав его в лице субъекта принципиально мелких трат) из состава машинерии «чистой» экономики, - и фокусирует взгляд искусство Толстого, искусство

писать на деньгах. Своему непосредственному назначению деньги отвечают, пребывая в повседневном употреблении. Здесь они, однако, никогда не есть просто деньги, но необходимо некая сумма. Поэтому в модусе фактического бытия деньгами во всяком индивидуальном сознании непременно конституируется образ какого-либо конкретного блага (товара: вещи либо услуги), соотносимого с представлением о ценности данной суммы. Смысл искусства Толстого может заключаться в том, чтобы посредством простейшей процедуры (надписывания дензнаков) сделать возможным осознание индивидом автоматизма своих душевных практик, сосредоточив его внимание на том, что ассоциируемый с данной суммой предмет является не столько субъективным образом самой этой суммы, сколько отображением и даже объективной оценкой его собственной жизни. Важно то, что при виде доллара или пятисот рублей каждый думает о своем, пускай и не отдавая в

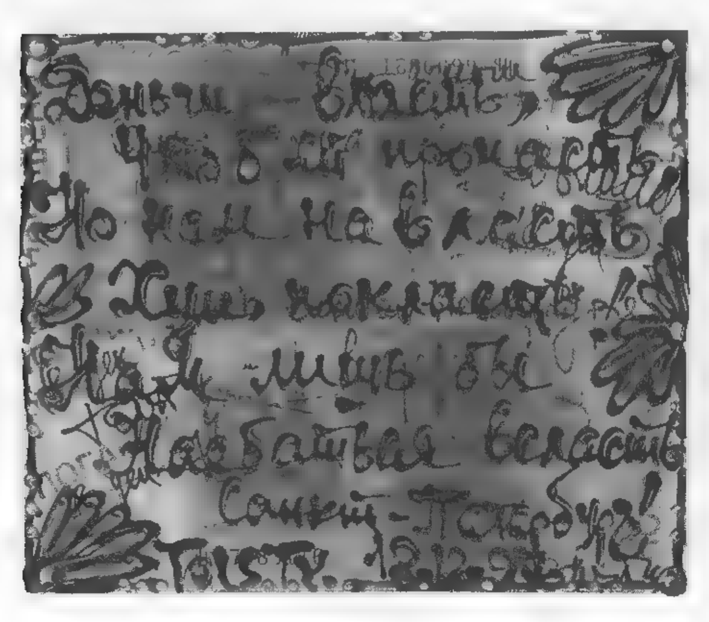
этом отчета. Надпись же - всегда персонально зрителю адресованное сообщение, будь то лозунг или афоризм - задействует использованную купюру в контекст культурного события, всегда уникального. В то же время всегда распознаваемое достоинство и привычный вид сохраняют за ней остаточную способность быть воспринимаемой в качестве экономического объекта. В силу этого дуализма каждый экспонат может воспроизводить сущностную ситуацию человеческой экзистенции - существование одновременно в двух мирах: в мире жестко ограниченных материальных ресурсов и в мире бесконечного многообразия возможностей отношения к таковому положению дел. При этом, в зависимости от того, о чем гласит и на чем выполнена надпись, способ интерпретации классической оппозиции духа и тела (а также и свободы и необходимости) будет всякий раз новым. Некоторые экспонаты выглядят особенно актуально, сочетая неложный пафос с горькой иронией; такова, к примеру, изношенная до дыр сторублевка, гласящая: «Изготовление шедевров - дело добровольное» (цикл «агитухи»).

Но в любом случае надпись, нанесенная Толстым на тот или иной дензнак, делает его зеркалом, в котором мы впервые может узнать самих себя. И, быть может, устыдиться своего собственного я, поскольку ничто не оказывается столь неотъемлемым от него, как например последовательность типа «1 доллар... 6 тыс.руб.... пачка сигарет». Даже тогда, когда есть повод задуматься о вечном. Потому что если и есть у денег свое лицо, то оно может быть исключительно нашим собственным ликом.

...Эзра Паунд полагал, что уже одним только построением фразы «Бесплатный бразильский кофе слишком дорог для венских бедняков» воображению публики можно нанести удар сокрушительной силы. Сейчас цена воплю - не железная клетка и даже не изъятие тиража; никто, правда, и не вопит. Прошла эпоха, осев равнодушием критической общественности с ее «толерантным» «почему бы нет?» по любому поводу. И если Толстый (наст.имя Вл.Котляров), навестивший с выставкой своих произведений родину - страну, едва ли оправившуюся после кризиса неплатежей и находящуюся во власти инфляционных ожиданий по поводу предстоящей деноминации - с радушной улыбкой благополучного парижского буржуа принимает установленные традицией правила игры, согласно которым всякое творение имеет свою собственную цену, каковую творец должен уплачивать сполна, то это означает только одно: мы, публика, по-прежнему пребываем в неведении этой цены. Даже когда размеры ее очевидны как никогда.

На деньги, как верблюдам
мне плевать!
Предвижу возмущенные
протесты
Я выпускаю
TOLSTY. St. Petersb.

кат. 19

Санкт-Петербург!
TOLSTY.

кат. 20

Владимир Шинкарев *

ДЕНЬГИ ВООБЩЕ И ДЕНЬГИ ТОЛСТОГО

Помимо всех своих немалых достоинств, деньги еще и очень красивы.

Даже дети малые деньги рассматривают пристальнее, чем произведения искусства. В антикварных магазинах, продающих экзотические и старинные денежные знаки, публика завороженно созерцает их, хотя до прямого коллекционирования дело доходит редко. Куда чаще коллекционируют ныне действующие деньги, лучше всего - доллары. Над такой коллекцией можно мечтать и просто млеть, разглядывать их поштучно и кучей, даже если долларов всего пара экземпляров.

Конечно, денежные купюры - сами по себе хорошо выполненные графические миниатюры, их рисовали мастера;но сакральное отношение к деньгам, зачарованность и завороженность - почти отметают художественное восприятие.

Маловероятно, что кредитные карточки полностью вытеснят реальные деньги - в расплате карточкой есть оттенок обмана, разочарования. Весомы и убедительны только реально-конкретные наличные, «CASH».

Презирают деньги (не какие-нибудь кровавые, а вообще - абстрактные деньги) только люди, никогда не работавшие: хиппи, революционеры, всякие паразиты. Ведь особенную красоту деньгам придает знание о том, что это эквивалент труда,

---

* В. Шинкарев - писатель, художник.

времени, свободы, жизни. Не забалуешь. Это дорогой материал, и ко всякому произведению, выполненному с использованием этого материала, мы отнесемся внимательно.

В коллажах Курта Швиттерса деньги - только деталь общей композиции, у нашего современника Олега Тистола - выдуманные, у Энди Уорхола - нарисованные. То ли дело у ТОЛСТОГО: деньги самые настоящие, и даже некоторая их трансформация, возможно, не препятствует их дальнейшему использованию в качестве платежного средства (в США старые купюры чаще всего как-нибудь зачушкованы - видимо, многие владельцы испытывают потребность отметиться).

«Деньги» ТОЛСТОГО представляют собой одну, а чаще всего несколько купюр, являющихся фоном для сообщения, лозунга, афоризма. Надпись выполнена рельефно, обычной для ТОЛСТОГО нарядной, барочной каллиграфией.

Наконец-то прямо реализуется известная формула политэкономии: «Д - Т - Д'», то есть ТОЛСТЫЙ берет деньги и делает из них художественный продукт, который стоит уже гораздо больше, чем исходная купюра.

Важное сообщение, красиво выполненное на розовой или на голубой (а то и зелененькой!) бумажке, воспринимается совсем иначе, когда замечаешь, что исполнено-то оно на деньгах. Они, любимые, впервые являются нам не эквивалентом труда, свободы и др., а таким вот материалом для графической работы. Они перестают быть деньгами и становятся художественным произведением.

«Деньги» ТОЛСТОГО взламывают излишне серьезное отношение к деньгам, чем грешит, увы, большая часть человечества. А ведь для того, чтобы поистине жить, трудиться и быть свободным, нельзя слишком серьезно относиться к всего лишь эквиваленту этих явлений.

В петербургском трамвае
Будто после войны
За проезд собирают
Плату наши сыны...

Не куёт и не пашет
Больше наша страна
Пляску нищую пляшет
Нелюдская война.

Война теперь на всех одна,
Зелёнех чужебесая война...

Санкт-Петербург,
3 дек. 1997.

кат. 21

Толстый

16-Й МАНИФЕСТ ВИВРИЗМА.

Превращать деньги и ценные бумаги в произведения искусства, а не наоборот - это и есть окончательно отрефлектированный образ искусства. Ибо «наоборот», т. е. превращать результат труда в деньги - это образ ремесла! Изготовление того, что «требуется на рынке» - это рефлексия вторичного, вторично необходимого. Расходуя дополнительную жизненную энергию на изготовление произведений искусства, недоедая и постясь перед актом творчества, артисты истоков платили жизнью за право состязаться с Богом. И победили! Размножая ремесленные пособия, чтобы обжираться и троглодитствовать, современные творцы и их маршаны спекулируют на массовом невежестве или распущенности толпы, подменяя понятие «ремесла» (само по себе достойное) понятием «искусство», что есть ложь, а результат лжи - товар, в конце концов презираемый! Изготовители должны помнить, что лишь единицы из сотни тысяч «окинутых Божьим взглядом» будут спасены от презрения потомков, ибо искусство всегда дороже денег! Артисты! Превращая деньги в произведения искусства, вы обогащаете и себя, и человечество! А кроме того, вы лишаете рычага давления тех, кто, являясь хозяином денег, ведет себя как хозяин жизни, подавляя, угнетая, унижая тех, кто трудом обогащает человечество! Превращать деньги и ценные бумаги в произведения искусства - это и значит быть артистом! Деньги унижают душу и достоинство человека. Искусство возвышает личность. Артист, творящий искусство - единственный спаситель человечества!

Париж, 10.01.97.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТОЛСТЫЙ

ПОКАЯНИЕ

Мы были – русская интеллигенция...
были – это не потому, что мы –
антикоммунисты или наоборот,
были – это не потому, что мы –
монархисты или наоборот,
были – это не потому, что мы –
православные или наоборот,
были – это не потому, что мы –
славянофилы или „западники".
А это потому, что нам не был безразличен
вечно страдающий, унижаемый
и убиваемый властями и
их бюрократией
несчастный и терпеливый
русский народ.
Когда мы были русской интеллигенцией,
то никогда не смотрели, согнувшись,
ни деньгам, ни власти
ни в суп, ни в рот.
Когда мы были русской интеллигенцией,
то думали, что Права Человека –
это не только для нас,
но и для тебя,
Великий и Могучий русский народ.
Когда мы были русской интеллигенцией,
то не вычисляли, кто какой нации,
кто каких кровей, пап или мам
или каких кавказских пород.
Когда мы были российской интеллигенцией,
то считали, что служим своему народу и
всей Руси Великой
стихами, картинами, музыкой и игрой,
и был этим горд
наш российский народ!

А теперь мы – БЫВШАЯ русская интеллигенция –
Служим лишь чужебесым деньгам... Мы предали вас,
О Великий и Могучий Русский язык,
О Великий и сотворивший язык великим,
русский народ!
Когда-то мы считали тебя Богоносцем,
а теперь, предав, стыдимся это признать,
Лжём и продолжаем предавать
Из-за невзгод?
На два или на год?
Или навсегда,
Совесть пустив в оборот?
Когда это случилось?
В тысяча девятьсот девяносто первый год?
В тысяча девятьсот девяносто третий год?
В тысяча девятьсот девяносто пятый год?
В тысяча девятьсот девяносто седьмой год?
Когда, предав свой народ
и начав сребреников пересчёт,
мы перестали быть русской интеллигенцией?
И превратились в продажной культуры
придаток – урод?
Когда?
Когда мы вернемся к тебе,
Великий Русский Народ?
Когда?
Простишь ли тогда?

Париж – Санкт-Петербург 02.12.97.

Грейтесь, господа!

Толстый опять в Санкт-Петербурге. И опять — очень толстый, килограммов 110, как сам утверждает. Благо сбрасывать лишний вес на этот раз ему не нужно: режиссеру Михаилу Калатозишвили, у которого Толстый снимается сейчас в новом фильме "Мистерии", он и такой вполне сгодится.

Уже давно знающие люди приметили: если в Питере появился Толстый, жди необъяснимых явлений. Вот и на этот раз — в аккурат к его визиту — памятник Гоголю явился петербуржцам на Невском. И именно в тот момент, когда перед памятником появился Толстый, обожающий Гоголя, с другой стороны началось освящение гранитного классика.

Любовь Толстого ко всяким памятникам давно известна — все-таки бывший реставратор. Как увидит памятник, так и норовит его погладить или на колени сесть. К чему и всех призывает: встретить Новый год на коленях у Петра Первого в Петропавловке! С автором памятника, скульптором Михаилом Шемякиным, своим большим другом, Толстый уже договорился, и Шемякин сказал: "Здорово! Я же специально такие колени сделал, просто до тебя никто не додумался!" Так что теперь Толстый начинает новую традицию: каждый патриот нашего города должен посидеть на коленях у его основателя. А чтобы не сползти — колени-то скользкие, можно обхватить самодержца за шею или ухватиться за ухо.

И не забудьте, что Толстый — отец-основатель российского мэйл-арта. Это почтовое искусство, в котором может проявить себя каждый человек, идущий на почту. И значит, каждый может почувствовать себя художником.

А настоящему художнику самые что ни на есть природные материалы подвластны — камень и вода. Замерзшая. И снегом на граните можно написать теплое послание всем замерзающим в это холодное время года. Грейтесь, господа!

Публикация в журнале «Петербург на Невском» №11 декабрь-январь. 1997-1998 г.

Толстый

«ИСКУССТВО - КАК ПОЛЕ БОЯ»

из лекции-перфоманса для студентов философского факультета Санкт-Петербургского университета

Когда Саша Секацкий предложил мне поговорить с Вами, он сказал: «Ты можешь рассказать что-то, чтобы попадало в ситуацию «Искусство - как Война, Искусство - как поле Битвы»?!» Я удивился поразительному чутью Саши - так точно он сформулировал тему.

Первое, что хочется сказать, что для нынешнего артиста авангардной формации очень важно не только причинить наслаждение, но и испытать Боль. Испытать боль и внимание, потому что только ощущенная боль и внимание посылают нам надежду на то, что наше усилие изменит человека... Цель современного искусства - вовсе не в том, чтобы изображать «Машеньку у омута» или, не дай Бог, «Гернику», а поменять, принципиально поменять отношение человека к тому, что его окружает. Эта чудовищная претензия, неумеренная и странная, всегда получала бы ответ: «Нет, конечно!» Чаще, чем признание и наслаждение, мы вызываем в людях Протест, Ненависть, Несогласие! Ситуация заключается в том, что встречный удар, наносимый слушателями говорящему, должен быть поразительно силен. Такая острая, крайняя ситуация взаимоотношений между создателем и потребителем искусства касается только тех редких случаев, когда

артист предлагает создать обществу шедевр; или ошибки самооценки, то есть ситуация, когда Вы думаете, что способны создать шедевр, а оказывается, что это - как бы добросовестное ремесло, не освященное божественным прикосновением, вот что является ситуацией, способной родить Боль, родить Наслаждение, родить Протест и родить Войну! Ситуация созданного и несозданного шедевра, то есть ситуация Победы - либо Поражения!

Но так или иначе, претензия на создание шедевров - дело добровольное! Это ведь очень и очень опасное занятие. Человек, который претендует на шедевр, немедленно хочет получить компенсацию! Представьте, что кто-то из Вас - самый лучший студент на философском факультете. Естественно, что Вы начинаете думать, что к Вам Ваши товарищи должны относиться по-другому, Ваши профессора и преподаватели должны Вам прощать опоздания или курение в аудитории, т. е. Вы требуете себе привилегий! И, таким образом, ваша психика немедленно меняется настолько, что Вы автоматически выпадаете из ситуации, когда создание шедевров - дело добровольное и не должно предусматривать немедленной компенсации.

Война! Жизнь в России и происходящее здесь теперь - Война! Искусство - это Война! Могу ли я, например, считать, что я сейчас не предпринимаю военного действия и агрессии, когда один из своих шедевров я сейчас подарю одному из Вас?!

Последнее время я работаю на деньгах. Я создаю некоторые поэтические, философские или живописные произведения, раскрашивая Деньги. Поскольку я сейчас здесь, у меня под рукой рубли - как бы ничего не стоящие деньги! Несколько дней назад на одной из бумажек я написал: «Как же нужно не уважать, нет, презирать свой народ, чтобы печатать и пускать в оборот подобные деньги-обманки!!!» Эта бумажка имела успех у тех, в чьем присутствии я это сказал, - я ее немедленно подарил, увидев азартно блестящие глаза! На этой бумажке написано другое - то, что я сегодня произнес уже, то есть это - как бы домашняя заготовка: «Изготовление шедевров - дело добровольное!..» Я дарю ее Вам, потому что я увидел в Ваших глазах большую степень не безразличия! (Дарит «денежку». Смех и улыбки в аудитории.) Это дает мне возможность перейти к следующей бумажке (смех в аудитории), которая состоит из пяти сторублевых. Если Вы позволите, я, как бы и не связано с предыдущей фразой, претендую на право прочесть текст, здесь написанный: «Артисты! Превращайте деньги в произведения искусства! Деньги провоцируют ложь и преступления, являются символом лжи и порока». Но ложь не может создать ни счастья, ни гармонии! Ложь, деньги - как ложь! Но есть другое понятие: деньги - как богатство; что же касается богатства, то превращенные в шедевры, деньги увеличиваются

в стоимости мгновенно, превращая купюры в произведения искусства. Вы, во-первых, боретесь со злом и обогащаете человечество, да и сами становитесь счастливее и богаче! Это - очевидно!

В любых сферах активности человека главной движущей силой является противостояние, преодоление, война! Прежде всего, это относится к искусствоемким формам активности. Война! И те, кто хочет достичь чего бы то ни было в жизни, искусстве, войне, должен нападать!... Я нападаю, и я - на «коне»!

Саша Секацкий написал в одном из своих замечательных текстов, что.. слияние в экстазе между артистом и финансистом происходит крайне редко, но всегда - после смерти артиста! (Смех в аудитории).

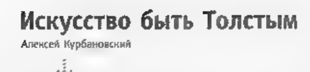
Превращать произведения искусства в деньги - это логика искусства, размножение найденного на войне искусства превратилось в буржуазную ситуацию обогащения, благодаря пережитой победе; я победил, я нашел и пошел размножать, потому что в каждом доме «нового русского» должно быть произведение искусства!

Человечество делится на воинов, поэтов и остальных людей. Воины - это те, кто борется, защищая людей, поэты - это те, кто воспевает воинов. А остальные люди - это те, кто живет для того, чтобы рожать воинов и поэтов!..

Война - это жертва! Война - это святое, война - это то, когда человечество завоевывает новые плацдармы себе, новые рубежи... Вы еще не понимаете этого, но Вы - остальные люди - родите завтра воинов и поэтов!

Общение с Вами для меня, во-первых, было приятным, а во-вторых, абсолютно неожиданным. Если бы я знал хотя бы вчера, что Вы меня наградите таким вниманием, то я привез бы Вам эти картины, заправленные в рамы, сам бы вбивал с утра гвозди, развешивал бы их и восхищенно смотрел бы на Вас, как Вы читаете жизнь и чувствовал бы себя в победе! Это был бы Ваш, это был бы мой - трофей! Если бы я увидел Вас, рассматривающим мои работы!

Санкт-Петербургский университет, декабрь 1997 г.

Искусство быть Толстым

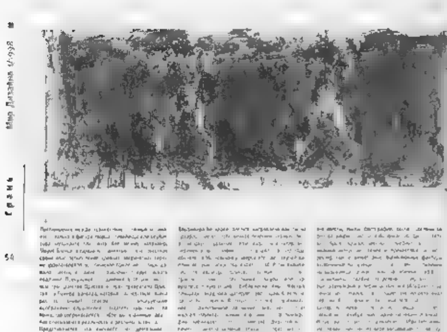
Алексей Курбановский

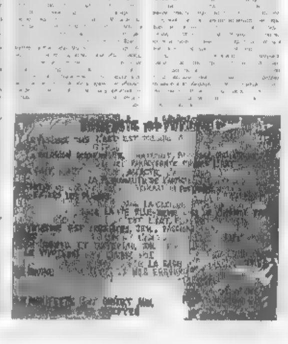

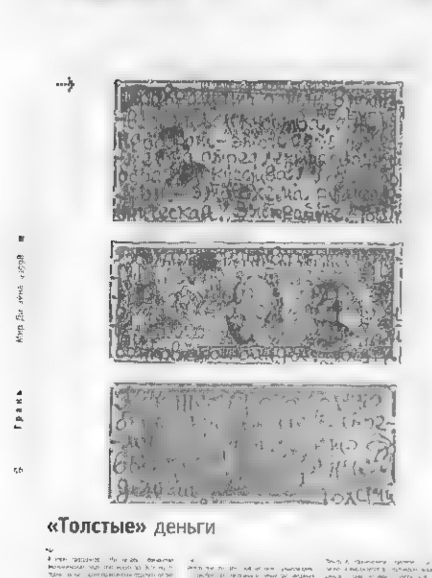
Мир Дизайна 1/1998 · Грань · 54

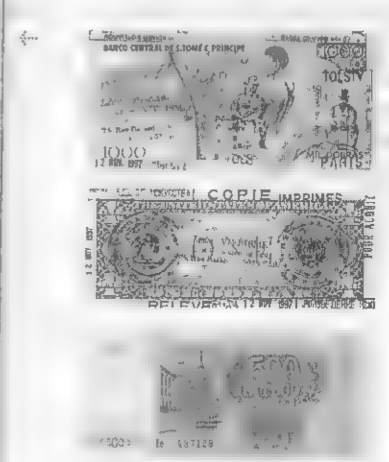

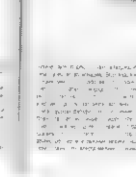

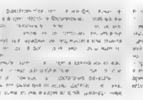
Мир Дизайна 1/1998 · Грань · 55

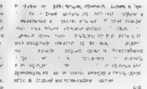

Мир Дизайна 1/1998 · Грань · 56

«Толстые» деньги

Публикации в журнале «Мир дизайна» зима/весна'98

Плакат выставки «С Новым годом!»
Авторы: Г. Лапушкин, Ю. Молодковец, Толстый

Фото: Творческий центр «Борей-Арт». Открытие выставки «С Новым годом !»
А. Кучинский, Толстый

Фото: Творческий центр «Борей-арт». Открытие выставки «С Новым годом !»
«Новые тупые»: С. Спирихин, В. Козин

Наталья Шкуренок *

ТОЛСТЫЙ, ТОЛСТЫЙ СЛОЙ ГРИМА...

Бывший работник «ящика», бывший реставратор, бывший советский подданный Владимир Котляров, а ныне гражданин Франции господин Толстый, актер и, как говорят современные подростки, приколист, сидит в номере гостиницы «Санкт-Петербург» с видом на «Аврору» по колено в ежедневной российской прессе. В настроении, явно не располагающем к эпатажу и экстравагантным выходкам, которыми он и известен у нас. Может потому, что своим бывшим соотечественникам мы зачастую отказываем в праве на глубокий и некомплементарный взгляд на нас, живущих и «страдающих» в нашей собственной реальности.

- Что больше всего поражает в современной российской жизни человека, не живущего здесь постоянно, а время от времени «впадающего» в нашу действительность?

- Какое-то патологическое отсутствие чести и совести у людей, облеченных властью, с одной стороны - и фатализм, покорность судьбе, отказ от защиты собственного достоинства у всех остальных. В такой «прогнившей» буржуазной стране, как Франция, если задета честь государственного чиновника, он уходит в отставку и начинает судебное разбирательство - вопросы чести и достоинства стоят у нас на одном из первых мест. Вспомните историю с Береговуа (Береговым): никакого основания для возбуждения против него уголовного дела не было,

---

* Интервью для газеты «Известия».

но чтобы смыть даже тень подозрения с себя и своих близких, он предпочел смерть. А недавняя история с мэром Гренобля Алленом Кориньоном? Он сидит сейчас в тюрьме, ему дали 5 лет заключения и 5 лет поражения в правах по окончании срока за то, что он взял взятку в 16 миллионов франков за протекцию одной из двух конкурирующих фирм. Он был личным другом Жака Ширака, крупным партийным функционером, но ему не помог ни Ширак, ни крики о политической подоплеке всей истории. Я видел интервью с Шираком одного нагловатого французского журналиста, который прямо его спросил: «Почему вы не помогли своему другу Кориньону?». На что президент, потупив голову, ответил, что он доверяет французскому правосудию, что он такой же гражданин своей страны, как и любой из его избирателей. А здесь - беззаконие, преступные связи, контакты власти и уголовного мира открыто заявляются, и никто не уходит добровольно в отставку, чтобы защитить свои честь и достоинство!..

- Вы уже почти 20 лет человек другого мира, другой культуры. Но Вы по-прежнему называете себя диссидентом?

-Если говорить о диссидентстве, как об инакомыслии, то я им был и остался. Но я никогда не принимал участия ни в каких организованных диссидентских акциях и не рассчитывал на карьеру где-нибудь на Западе только потому, что я «официальный диссидент Советского Союза». Я по-прежнему думаю иначе, чем многие. Во Франции я довольно быстро поссорился с нашей эмиграций - там тоже свои вожди, свои обкомы, свои приемчики в дележке пирога. Я никогда не играл в эти игры. Я остался человеком русской культуры, другое дело, что я теперь знаю иные формы жизни. Я понимаю, что происходит здесь и я знаю, что и сколько стоит там.

-Франция встретила Вас с распростертыми объятиями и Вы получили все, на что рассчитывали?

- Франция для начала здорово щелкнула меня по носу: я уезжал из Москвы довольно известным реставратором, а там я как реставратор оказался никому не нужен. Но во Франции я добился того, чего никогда бы не добился в России: я много писал - там почти сразу вышла небольшая книга моих стихов в переводах, первые мои художественные выставки прошли тоже там. А здесь до сих пор мнение одного человека, любого чиновника от культуры, например, заведующего отделом новейших течений музея, является решающим и обжалованию не подлежит. На Западе такого нет - никогда ни один человек, какой бы пост он ни занимал, не может сказать: этот художник хороший, этот плохой, этот достоин выставки, этот нет. Российская культура до сих пор тоталитарна, и меня никто в этом не переубедит! Из-за этого множество ваших художников и носа не высовывает из мастерских.

- А как Вы в кино попали?

- От голода. Пришли ко мне однажды друзья-художники, тоже эмигранты, правда, женатые на француженках и поэтому живущие нормально, и сказали: «Толстый, снимается какой-то студенческий фильм, там нужны русские морды, платить не будут, но будут кормить два раза в день досыта». И я пошел, готовый ко всему, лишь бы кормили. Мне дали поесть и взяли в фильм. Но Эрик Барбье тут же остановил съемки, где мне отводилась роль статиста, и сказал: «Я переписываю сценарий, ты будешь одним из главных героев». И этот фильм - «La face perdu» - «Потерянное лицо», на фестивале короткометражных фильмов получил приз. После этого меня приглашали многие режиссеры - Клод Шаброль, Жан-Пьер Моки, Патрис Широ в «Королеву Марго». Меня видели в России в фильме «Индеец в Париже». Сейчас я профессиональный актер, на это и живу. В начале января нового года я впервые буду сниматься в голливудском фильме с де Ниро, у меня там небольшая роль с громким названием «Большой Босс».

- Вы в Петербурге сейчас на съемках, что уже само по себе поразительно - неужели, еще какое-то кино у нас снимают?

- Внук Михаила Калатозова, Михаил Калатозишвили снимает фильм «Мистерии». Для меня это уже тридцать первая роль. Мы начинали думать об этом фильме еще три года назад, Миша написал начало истории, потом я познакомил его с Рустамом Ибрагимбековым и уже Рустам создал окончательный вариант сценария. Это история эмигранта, уехавшего в Париж - не скрою, многое в этом образе взято из моей реальной жизни,- и вернувшегося в Россию спустя много лет. Не насовсем, а лишь для того, чтобы найти сына своего друга, бывшего диссидента. Съемки уже на треть завершены, снята вся натура в Тбилиси, где происходит часть фильма.

- Тбилиси - это город, в котором сейчас можно снимать кино?

- Разве что фильмы-катастрофы, потому что жизнь в Грузии сейчас намного хуже, чем в обеих столицах - Москве и Петербурге. Работы у людей нет, городское хозяйство не функционирует, свет иногда включается часов на 8, отключить могут в любой момент. Мне рассказывали чудовищные случаи, когда энергию отключали во время операции по пересадке почки и человек умирал. Конечно, Грузия пережила практически две войны, но главная причина разрухи, по-моему, не в этом. Самое страшное - полное отсутствие патриотизма в странах, ставших независимыми после распада Союза. А ведь все великие государства созданы любовью к Родине! Но когда любовь к Родине подменяется любовью к деньгам или абстрактным понятием типа «рыночная экономика», то единицы хапают, наживаются за счет народа. Я пытался из Франции посылать письма в Грузию друзьям-кинематографистам, я пытался из Грузии посылать письма в Париж и

Москву - ни одно письмо не дошло, почта не работает. Но глава почтового ведомства Грузии строит в центре Тбилиси собственный особняк! И это в городе, где заржавевшие краны падают на недостроенные пятиэтажки, где посреди проезжей улицы висит обрывок провода под напряжением и чиркает по крышам проезжающих машин. Мы жили в Тбилиси семь недель и все семь недель провод высекал искры о машины. Это чума - отсутствие патриотизма!

- Ваш герой в фильме переживает эти же эмоции?

- В фильме эта тема не затронута, это опасная тема в современном российском искусстве. Существует реальная угроза быть исключенным из общественной, художественной жизни для людей, которые начинают говорить о патриотизме, о любви к стране, к народу - сразу начинаются крики о красно-коричневых. Я не имею права пересказывать сюжет, но он печальный, даже трагический. Потому что в современном российском обществе, на мой взгляд, «дикий капитализм» уже демонстрирует свои страшные последствия, есть примеры нравственного одичания, а это процесс необратимый. Почему сейчас бывшие правозащитники молчат о том, что месяцами не выплачивается зарплата, что людей толкают к самоубийствам от чувства беззащитности и беспомощности? Я пришел в один дом в гости, и со мной заговорили о нарождающемся фашизме. Я выслушал и сказал: «Да, фашизм - это плохо. Но фашизм значительно больше развит в Америке в штате Монтана, например, или во Франции - мэры четырех городов принадлежат к неофашистским партиям. А те проявления, о которых вы говорите, вызваны желанием бороться с несправедливостью, с голодом. Накормите людей!». Здесь люди звереют от голода, а новые правители с легкостью необыкновенной употребляют слова «фашизм», «коричневые» и реально льют воду на мельницу этого самого фашизма - кто-то откровенно делает себе на этом политическую карьеру.

- Вы видите сейчас себя в этой стране, Вы нашли бы себе место?

- Я, наверное, был бы полезен как «катер связи», не более. В той чудовищной ситуации тотального мздоимства, которая здесь сейчас сложилась, я бы не смог даже элементарно устроить свой быт - я не умею давать взятки! Мне уже седьмой десяток и мне поздно этому учиться. Я привык жить честно, я не умею ловчить. Хотя - ой, как тяжело бывает иногда платить налоги! Но мы платим и понимаем, за что. Моя дочь, даже маленькая, всегда ходила одна в школу, став девушкой, могла позволить себе прийти совсем поздно, и мы с женой не переживали - а не случилось ли с ней что-то ужасное?

- Вы богатый человек?

- Мы с женой работаем, поэтому больших проблем нет. Но пользуемся

лишь 20-25 процентами зарабатываемых денег, остальное уходит на расплату с кредитами и налоги. Я вообще-то впервые заработал ощутимые деньги не так уж и давно, после участия в фильме Эрика Барбье «Les brasiers» - буквально «Горячие угли», в России почему-то перевели как «Угольная пыль». Полученный гонорар позволил купить в рассрочку дом, мне еще четыре года до пенсии и почти четыре года надо будет выплачивать кредит.

- У нас любят говорить, что на Западе необъективно освещают реальную жизнь в России, что ее слишком «чернят».

- Да никто не чернит! Во Франции традиционно любят русских, это страна, которая успешнее других европейских стран сопротивляется американизации общества и культуры. И на этом пути Франция - пока еще - опирается на дружбу с Россией. Потому что считает, что традиционное русское сознание противостоит американскому и американской мечте. И все понимают, что ваш призидент заигрывает с Америкой только потому, что зарабатывает там деньги. У нас газеты спокойно обсуждают, на какую сумму живет внук президента в Лондоне, кто его содержит, сопоставляют это с суммами декларируемых доходов. Наши газеты очень много говорят о срастании ветвей власти с криминальными структурами, о покупке властью средств массовой информации. У нас открыто говорят, на кого работают Доренко или Киселев - мы прекрасно знаем, как влияет красивый «презентатор» на массовое сознание, как им манипулируют. Но наши газеты всегда ссылаются на достоверные источники, называют имена и делают ссылки на ваши же издания. Ну если ваши государственные деятели сами предлагают поверить, что один живет на сорок четыре миллиона рублей в год, а глава одного из субъектов Федерации - на миллиард долларов, то как прикажете к этому относиться? Вы сами выставляете себя в смешном и нелепом свете. Неужели кто-то всерьез все это воспринимает? Это какая-то комедия!

- Вы как профессиональный актер могли бы оценить эту игру?

- Они все, конечно, актеры и все очень хорошо заучили свои роли. Я уже, как и всякий актер, знаю, как кого из них играть - как играть Ельцина, Чубайса, Черномырдина. Если бы мне предложили такую пьесу, я бы сыграл, потому что точно понял, на каких движениях мускульных систем лица работает каждый из трех. Наши политики тоже себе роли придумывают, это естественно. Но ведь они - образованные люди, книги пишут: один о Наполеоне, другой о ранней истории Франции. И я все жду, когда же Россией начнут управлять не выходцы из партийно-криминальных структур, а образованные люди? Это как в анекдоте о разнице между культурой и цивилизацией: цивилизация - это наличие унитаза, а культура - это умение им пользоваться. И вот то, что происходит в верхних эшелонах вашей власти, это отсутствие культуры пользования унитазом - не научились! Хотя однажды в Париже я видел по телевизору фрагмент интервью с Маневичем, так кажется

фамилия человека, которого недавно убили в Петербурге? Так вот, это говорил культурный человек. Но - не нужен, убили.

- Вас знают в первую очередь как любителя эпатажа, экстравагантных выходок. Первое, что вспоминают люди, слыша Вашу фамилию, это, например, история с Вашим спектаклем голышом в Риме. Вы действительно такой экстравагантный человек?

- Да, у меня экстравагантное сознание, если можно так выразиться. Потому что я, во-первых, не трус, никогда не боялся ничего высказывать открыто, не боялся показать, что я думаю по любому поводу в любой момент, не боюсь привлекать к себе внимание. История со спектаклем «Итальянцы, берегите Папу» - пример именно этого. Я действительно выступал обнаженным и за это попал в итальянскую тюрьму: мне предъявили обвинение в оскорблении католической нравственности. Мне хотели дать два года заключения, но за меня вступилась общественность, артисты. Чего, надо сказать, никогда не случилось бы здесь, в России - здесь сейчас артисты не стали бы ссориться с властями и вытаскивать своего собрата по профессии. У нас люди искусства и интеллектуалы сплочены, а у вас - только говорят о праве на самовыражение, а сами ждут подачек от власти и толстосумов. У нас стало известно о притеснении арабов - сейчас же звонит Депардье, организовывает акцию протеста. У нас есть артисты, которым очень нелегко живется - актер Колюш открывает благотворительный ресторан для поддержки неимущих собратьев. Мы не боимся! И если говорить обо мне, то я лет 10 назад не побоялся отойти от церкви.

- Но Вы носите, не снимая, крест!

- Я не перестал быть глубоко верующим, но перестал быть церковным человеком. Я дважды предпринимал путешествие на Афон, был там во всех монастырях, жил на острове Патмос, скитался по горным ирмитам - одиноким отшельникам. И я везде видел одно и то же - и в протестантских церквах, и в православных, и в католических, думаю, что у иудеев и мусульман то же самое - везде есть лидеры, которые подавляют других, по-своему богатеют за счет остальных. И понял одно: каждый имеет право на веру, но с человеческой кухней лучше при этом дела не иметь.

- А что Вас заставило взяться за денежные знаки? Насколько я знаю, Вы рисуете и пишете на банкнотах и купюрах и, похоже, задались целью извести деньги как явление цивилизации?

- Скорее наоборот, чтобы увеличить их стоимость и умножить ценность мира. А свои мысли я действительно нередко записываю на мелких купюрах - на большие, честно скажу, рука не поднимается пока. Эти бумажки ничего не стоят, пока не попадут в руки к художнику. Я однажды написал на деньгах: «Деньги - инструмент подавления индивидуальности и свободы человека.

Бедный, богатея, превращается из подавляемого в подавителя, но помнит о перенесенных обидах и унижениях и мстит за них. Поэтому нувориши - страшнее наследственных богатеев, но все богатые - воры, либо наследники воров. И потому превращайте деньги в произведения искусства!». А увидев в петербургском трамвае, как торгуют билетами взрослые, молодые мужчины, я написал стихотворение, и тоже на купюрах: «В петербургском трамвае, будто после войны, за проезд собирают плату наши сыны. Не кует и не пашет больше наша страна, пляску нищую пляшет нелюдская война ».

- Вы это будете выставлять где-нибудь?

- Как сказать! У меня сейчас не та финансовая ситуация, чтобы тратиться на выставку - она требует вложений, и немалых. Мне пока достаточно сознания, что этим в мире до меня никто не занимался, что я нашел свою технику, свои материалы. Если найдутся люди, которые захотят вложиться в такую выставку, буду рад. А пока - денег нет, поэтому я их разрисовываю и, тем самым, увеличиваю их стоимость, как произведений искусства.

КАТАЛОГ

1. *Материалы*: российские купюры достоинством 500 рублей, 10 шт.
   Размеры: 49 х 13 см.
   Текст: «Художник (artiste-paintre) всегда творец нового по сути и этим отличается от умелого или академического подражателя природных или уже опробованных искусством или жизнью форм, т.е. создателя узнаваемых подобий. В зависимости от темперамента и воспитанных пристрастий артист ищет непохожей на предшественников композиции, линии или цвета. Или новой технологии обработки поверхности, создания новой фактуры. Или новых материалов, основы, красителей, связующих покрытий. А иногда новой художественной идеологии, непохожего на предшественников живописного, литературного или духовного содержания своего произведения. Если же артист чувствует в себе божественную силу обновить все эти составляющие и этим надолго удержать публичное внимание к своему творчеству, он признается человечеством в качестве великого художника! Однако случаи взаимопонимания между искусством и деньгами редко застают художника в жизни... Артисты, Ваше бессмертие в изменении существующего порядка вещей! Дерзайте!» TOLSTY, СПб 18.12.1997 г.

2. *Материалы*: коллаж, эстонские купюры, достоинством 1 марка - 4 шт., российские купюры достоинством 1 тысяча рублей - 1 шт., российские купюры достоинством 5 тысяч рублей - 1 шт.
   Размеры: 37,2 х 14 см.
   Текст: «Дамы и господа! Я хочу, чтобы мы выпили за наших друзей - артистов! Они этого заслужили. Сегодня, в конце двадцатого столетия, когда одни люди воруют деньги, похищают драгоценности, грабят банки, а другие трудятся, чтобы было что грабить, эти люди занимаются спасением красоты. Или сами создают красоту. Я ответственно заявляю: эти люди заблудились во времени, они попали к нам из девятнадцатого века. Так выпьем же за них, пока они не испарились во времени. Прошу всех! Почти цитата из сценария Р. Ибрагимбекова и М. Калатозишвили «Мистерии». А вы, дорогие артисты, превращайте деньги в произведения искусства! Увеличивайте красоту и ценность мира!» TOLSTY. St. Peters. 9. 12..

3. *Материалы*: российская купюра достоинством 100 рублей, 1 шт.
   Размеры: 12,9 х 5,7 см.
   Текст: «Разрушения начинаются тогда, когда думают плохо о добром и хорошо о дурном». Кришна. TOLSTY.St.-Pe.

4. *Материалы*: коллаж, российские купюры достоинством 100 рублей - 3 шт., 200 рублей - 3 шт., 500 рублей -1 шт.
   Размеры: 35,5 х 13 см.
   Текст: «В современной России нет философов... Чтобы философствовать, необходимо быть независимым от быта и свободным в выборе форм жизни. Другим условием является наличие собеседников, слушателей, адресатов, т. е

школы, состоящей из равнонезависимых. В наше время то и другое может быть достигнуто с помощью «лишних денег», которых нет ни в стране, ни «у науки», ни у общества. Впрочем, нет и общества, которое в состоянии эти условия создать. Современная функция денег исключает возможность возникновения современной философии в России. Нынешние методы распределения благ лишают даже надежды! А без философии не возникнуть ни объединяющей национальной идее, ни поэзии способной сохранить культуру»TOLSTY.

5. *Материалы*: коллаж, два билета российского банка достоинством 1 тысяча рублей и между ними эстонская купюра достоинством 1 крона.
Размеры: 13,5 x 18,2 см.
Текст: «Деньги - инструмент подавления индивидуальности и свободы человека. Бедный богатея превращается из подавляемого в подавителя, но помнит о перенесённых унижениях, мстит за них. Поэтому «нувориши» страшнее наследственных богатеев. Но все богатые - воры, либо наследники воров! А потому превращайте деньги в произведения искусства!» TOLSTY.

6. *Материалы*: российские купюры достоинством 100 рублей, 2 шт.
Размеры: 12,7 x 10,4 см.
Текст: «До какой же степени нужно неуважать, нет презирать, свой народ, чтобы изгото и выпускать в оборот столь ничтожные деньги - обманки! Ужо! Грядет пугачевщина!» TOLSTY.

7. *Материалы*: российские купюры достоинством 500 рублей, 8 шт.
Размеры: 40,7 x 13 см.
Текст: «Разогнитесь, граждане! Подумайте о сопротивлении власти денег! Влияние этих ничтожных по натуральной сути бумажек на все стороны человеческой жизни чудовищно и разрушительно! Деньги уже изменили и продолжают уродовать психику и природные отношения между людьми! Деньги порабощают волю! Деньги уничтожают нравственность! Деньги - это духовная пересылка, а не обменный эквивалент! Сопротивляйтесь властям, использующим Вас в качестве заложников монетарной монархии и банковского тоталитаризма! Превращайте деньги в произведения искусства! Деньги толкают ко лжи, а ложью не создать ни счастья, ни гармонии. Став произведениями искусства, деньги обогатят духовную ниву человечества и ценность мира возрастет. Ведь грязные бумажки станут шедеврами».

8. *Материалы*: российские купюры достоинством 100 рублей, 3 шт.
Размеры: 12,6 x 15,7 см.
Текст: «Самый лучший, быстрый и рациональный способ увеличения стоимости денежных купюр - это изготовление из них произведений искусства! Артисты! Обогащайте человечество, превращайте деньги в произведения искусства!» 05. 12. 97. Санкт-Петербург, TOLSTY.

9. Материалы: российские купюры достоинством 5 тысяч рублей, 2 шт.
Размеры: 13,7 х 11,5 см.
Текст: «Бессмертное искусство - это способность произведения длительно противостоять унылой агрессии вездесущей посредственности претендующей на право организовать все стороны человеческой жизни» TOLSTY.

10. Материалы: российская купюра достоинством 1 тысяча рублей, 1 шт.
Размеры: 13,7 х 5,6 см.
Текст: «Когда власть не заботится о престиже и цене своих денег, она увеличивает цену и престиж чужих денег!» TOLSTY.

11. Материалы: российская купюра достоинством 100 рублей, 1 шт.
Размеры: 13 х 5, 6 см
Текст: «Любым способом превращайте эти позорные деньги в произведения искусства!».

12. Материалы: советская купюра выпуска 1919 года достоинством 10 тысяч рублей, 1 шт.
Размеры: 20,2 х 10,2 см.
Текст: «В этой особенной невидимой России, которая незримо окружает нас, оживляет и поддерживает, питает наши души, украшает наши сны, нет ни одного закона кроме закона любви к ней и никакой силы, кроме нашей совести... Свободы, которой мы пользуемся, не знает, пожалуй, ни одна страна в мире!» В. Набоков. TOLSTY. 24 nov. 1997 Paris.

13. Материалы: американская купюра достоинством 1 доллар, 2 шт.
Размеры: 15,5 х 12,6 см.
Текст: «Чужая валюта в порабощаемой ею стране - есть оружие подкупа правителей, предателей своего народа! Помните: ни одна крепость не пала перед врагом без предательства, открывшего ворота врагу. Служить можно либо своему народу, либо чужим деньгам. Третьего не дано - А потому, превращайте деньги в произведения искусства» TOLSTY.

14. Материалы: итальянская купюра достоинством 5 тысяч лир, 1 шт.
Размеры: 12,5 х 7 см.
Текст: «Все войны ведутся ради денег! Все деньги ведут к войне!» TOLSTY, СПб. 15.12.97.

15. Материалы: российская купюра достоинством 1тысяча рублей, 2 шт.
Размеры: 13,7 х 11,2 см.
Текст: «Чтоб вместо: «СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО» - зачем нам во лжи масонской копаться. Каждый строитель мог вольно прочесть: «ВЗАИМОПОМОЩ, ПРОСВЕЩЕНИЕ, ЧЕСТЬ!» TOLSTY.

16. *Материалы*: российские купюры достоинством 500 рублей, 2 шт.
Размеры: 13 х 10,6 см.
Текст: «Тютчеву 03.12.97.
Легко, увы, России не понять,
Аршином или метром не измерить,
Но если вором стать не обломать,
То будет некому
Ни верить, ни не верить».

17. *Материалы*: российская купюра достоинством 1 тысяча рублей, 1 шт.
Размеры: 13,7 х 5,6 см.
Текст: «Чтоб денег набрать
Надо уметь врать!
А если не соврёшь,
То и денег не наберёшь!»

18. *Материалы*: советские рубли старого образца, имевшие хождение в 60 - 70 и в 80-е годы, достоинством 3 рубля - 2 шт., 5 рублей - 1 шт.
Размеры: 11 х 15,6 см.
Текст: «В том, что безвинно просидевшему 8 лет в лагере Константину Череднику удалось выйти на свободу не ожесточив сердца, помимо индивидуальных качеств, есть огромная заслуга искусства! Его икону Владимирской Б. М. благословил Патриарх Руси Алексий II!».

19. *Материалы*: эстонские купюры достоинством 5 крон, 2 шт.
Размеры: 13,7 х 13,5 см.
Текст: «На деньги, как верблюдам, мне плевать -
Предвижу возмущенные протесты,
Но чтоб понять, кто с кем, чья рать,
С кем на гектаре срать,
Я выпускаю
Антиденьги - тесты!»
TOLSTY. St. Petersb. 03. 12. 1997.

20. *Материалы*: бумага с водяными знаками, цветная синтетическая рельефная краска, российские купюры достоинством 500 рублей, 2 шт,
Размеры: 13 х 11 см.
Текст: « Деньги - власть,
Чтоб ей пропасть,
Но нам на власть
Хуи покласть!
Нам лишь бы
Наебаться всласть!»
Санкт-Петербург, 18.12.97. TOLSTY.

21. *Материалы*: российские купюры достоинством 100 рублей, 4 шт.
Размеры: 12,7 х 21,2 см.
Текст: «В петербургском трамвае
Будто после войны
За проезд собирают
Плату наши сыны...
Не кует и не пашет
Больше наша страна,
Пляску нищую пляшет
Нелюдская война.
Война теперь на всех одна
Зеленых чужебесая война...»
Санкт-Петербург, 3 дек. 1997.TOLSTY.

Примечание: все надписи выполнены цветной рельефной синтетической краской.

ОТДЕЛЬНОЕ СПАСИБО

Дарье Гук
Людмиле Ивановой
Николаю Иванову
Ольге Капполь
Наталии Кириловой
Марине Колдобской
Василию Кондратьеву
Дмитрию Кащееву
Борису Кравчунасу
Алексею Курбановскому
Геннадию Лапушкину
Юрию Молодковцу
Сергею Морозову
Андрею Мосьпанову
Алексею Митину
Ларисе Немчиновой
Константину Облапенко
Виталию Панкову
Александру Петрову
Нине Петровой
Елене Петуховой
Александру Погребняку
Татьяне Пономаренко
Александру Секацкому
Татьяне Таллерчик
Владимиру Шинкареву
Наталье Шкуренок

СОДЕРЖАНИЕ

Отпечатано
типографической компанией
«БОРЕЙ-ПРИНТ»
СПб, Литейный, 58
т. 273-36-93

Тираж 500 экз.

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

19 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА
ВЫСТАВКА-АКЦИЯ
ГОСПОДИНА ТОЛСТОГО

ДЕНЬГИ

ПОЛНАЯ ДЕНОМИНАЦИЯ

Выставка организована при содействии фирмы IPRIS